

Анна Шилд
Ада Огнева

ПАРИ НА МАЖОРА-
КАСКАДЁРА

Ада Огнева

Пари на мажора-каскадёра

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Пари на мажора-каскадёра / А. Огнева — «Автор», «Автор»,
2026

Кира Воропаева умеет спасать чужие улыбки и держать под контролем сложные операции. Матвей Беркутов умеет рисковать, сорить деньгами и появляться с разбитым резцом в самый неподходящий момент. Клиника Киры на грани закрытия, а мажор-каскадёр предлагает спонсорскую помощь. Впереди тридцать дней личного наблюдения и пациент, которому отчаянно хочется нарушить каждое её правило. За его интересом скрывается пари на спорткар. Кира привыкла замечать, где человеку больно. Только рядом с Матвеем ей всё труднее понять, в какой момент лечение стало опасным для неё самой.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Шилд

Пари на мажора-каскадёра

Пари на мажора-каскадёра

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Свет бестеневой хирургической лампы падал на полированную инструментальную стойку ровным, холодным, безупречно белым кругом. Я придвинула лоток к свету: так тонкую иглу было видно, даже когда взгляд оставался на пациенте. Каждый инструмент покоился на своем строго отведенном месте на стерильной матовой салфетке из плотного нетканого полотна. Изогнутый стальной зонд с тончайшим, чувствительным кончиком, хирургический пинцет с насечками на браншах, плоское стоматологическое зеркало с родиевым напылением, предотвращающим запотевание от человеческого дыхания, и тяжелый анатомический карпульный шприц из матовой немецкой стали.

Шел десятый час длинной пятничной смены. За высокими стрельчатыми окнами исторического особняка на Чистопрудном бульваре клубился промозглый, липкий октябрьский вечер. Осенний дождь усердно поливал мокрый гранит тротуаров, размывая отражения старинных чугунных фонарей и неоновых вывесок кофеен в мутные маслянистые пятна. Вода монотонно барабанила по кованым карнизам, где еще держались остатки пожелтевшего плюща. По бульвару с шорохом проносились редкие автомобили, вздымая колесами веера мутных брызг, а редкие пешеходы торопливо жались под темными куполами зонтов, спеша поскорее скрыться в подземных переходах метрополитена.

Я обожала это здание всем сердцем. Двухэтажный особняк девятнадцатого века с лепными карнизам, толстыми метровыми стенами из царского кирпича и широкими дубовыми лестницами хранил в себе редкое для бешеной современной Москвы ощущение основательности и вечности. Здесь, на первом этаже, располагалась наша стоматологическая клиника и отделение челюстно-лицевой хирургии профессора Савельева. На втором этаже находилась небольшая зуботехническая лаборатория, уютная ординаторская с массивным книжным шкафом, доверху забитым пожелтевшими томами атласов оперативной хирургии, монографи-

ями по остеосинтезу и старыми немецкими руководствами по биомеханике зубочелюстной системы.

Павел Сергеевич Савельев основал эту клинику почти тридцать лет назад, в тяжелые девяностые, когда большинство его предприимчивых коллег уезжали за границу или открывали бездушные коммерческие кабинеты по быстрому отбеливанию зубов для бандитов и валютных спекулянтов. Профессор остался верен высокому ремеслу. Он собрал вокруг себя настоящих фанатиков врачебного дела, оборудовал операционный блок и долгие десятилетия оперировал сложнейшие переломы челюстей, врожденные дефекты неба и последствия чудовищных автомобильных катастроф.

Именно Павел Сергеевич на третьем курсе медицинской академии вытащил меня из студенческой растерянности. Он разглядел в моих длинных тонких пальцах редкую природную моторику челюстно-лицевого хирурга. Он учил меня держать скальпель так, будто лезвие являлось продолжением моих собственных нервных окончаний. Он требовал чувствовать плотность костной ткани кончиком элеватора с закрытыми глазами и никогда, ни при каких обстоятельствах не показывать пациенту собственного страха или усталости.

— Запомни, Кира, — часто повторял он, глядя на меня поверх своих круглых роговых очков с теплой отеческой улыбкой. — В стоматологическом кресле любой взрослый человек беззащитен, словно новорожденный ребенок. Он доверяет тебе свои обнаженные нервы, свою боль, свою улыбку и свое лицо. Зубы никогда не умеют лицемерить. В них всегда виден весь человеческий характер без прикрас. У скрытных и завистливых людей эмаль стерта от ночного скрежетания зубами, у паникеров дыхание сбивается еще на стадии полоскания рта, а у подлинных бойцов челюсти сомкнуты так, что никакой механический распор не поможет. Будь твердой, как медицинский титан, но оставайся милосердной к слабостям ближнего.

Я свято хранила его заветы. За семь лет напряженной клинической практики я заслужила репутацию самого хладнокровного, выдержанного и техничного специалиста нашего отделения. Коллеги за глаза уважительно называли меня железной Кирой, а практиканты робели перед моим строгим взглядом. Пациенты, приходившие на удаление сложных дистопированных зубов мудрости с дрожью в коленках и липким потом на ладонях, покидали мой кабинет с круглыми от изумления глазами. Они даже не успевали сообразить, в какой именно момент все закончилось и почему во рту не осталось ни капли боли.

Я любила свое ремесло за кристальную, почти математическую честность. В хирургии невозможно смухлевать, притвориться кем-то другим или спрятаться за красивыми словами. Либо ты чувствуешь ход сосудисто-нервного пучка до десятой доли миллиметра, либо получаешь обширную гематому и парез. Либо твой шовный материал ложится идеально ровными анатомическими узелками, либо края раны разойдутся на третий день. Скальпель в руке хирурга всегда обнажает истину. Здесь нет места светскому лицемерию, надутым губам и фальшивым похвалам. Ротовая полость встречает тебя чистой биологией, где каждый капилляр и каждый отросток тройничного нерва подчиняются строгим законам природы.

Я медленно перевела взгляд на стеклянную витрину, где за полированными дверцами хранились хирургические наборы для остеосинтеза. Титановые мини-пластины толщиной в полтора миллиметра, микроскопические винты, изогнутые костные кусачки и пьезоэлектрический ультразвуковой скальпель. Вся эта сложнейшая аппаратура стоила огромных денег, но для нас она оставалась исключительно средством возвращения людей к нормальной жизни.

Я вспомнила свою самую первую самостоятельную операцию, которую мне доверил профессор Савельев пять лет назад. Ночью по скорой помощи доставили молодого парнишку после чудовищной аварии на мотоцикле. Нижняя челюсть была раздроблена на четыре подвижных костных фрагмента, мягкие ткани лица представляли собой сплошное месиво. Павел Сергеевич встал рядом со мной на позицию первого ассистента, положил тяжелую сухую ладонь мне на плечо и произнес всего три слова. Работай спокойно, Кира.

Мы стояли у операционного стола шесть часов подряд. Я вручную сопоставляла каждый микроскопический осколок, моделировала титановые шины по анатомическому контуру дуги и накладывала ювелирные швы на разорванные мышцы дна полости рта. Когда спустя три недели этот парень пришел на контрольный осмотр, свободно улыбаясь и четко выговаривая слова своими собственными челюстями, я окончательно поняла, что никогда в жизни не променяю это благородное ремесло ни на какие кабинетные должности.

Профессор защищал этот старинный особняк на Чистых прудах всю свою жизнь. В лихие девяностые сюда вваливались бандиты в кожаных плащах с золотыми цепями, угрожали утюгами и пистолетами, пытались отобрать здание под подпольное казино и ресторан. Савельев стоял насмерть, не уступив ни пяди земли, и оперировал тех же бандитов, когда их привозили с огнестрельными ранениями челюстей, сохраняя верность клятве Гиппократ.

А теперь пришли другие времена. Бандитов в кожаных куртках сменили лощенные топ-менеджеры в кашемировых костюмах с дипломами престижных бизнес-школ. Они не размахивали оружием. Они присылали сухие юридические уведомления, выкупали городские коммуникации и выставляли неподъемные двадцатимиллионные счета за право продолжать лечить людей. И против этого бумажного катка благородный старый профессор оказался бессилен. Его сердце просто не выдержало такой изощренной подлости.

Но сегодня над нашим уютным оплотом на Чистых прудах сгустились черные грозовые тучи.

Два месяца назад крупная инвестиционная корпорация, выкупившая весь прилегающий земельный квартал под строительство огромного элитного апарт-комплекса с вертолетными площадками и бутиками, внезапно взвинтила арендную ставку нашего исторического флигеля сразу в пять раз. В официальном уведомлении с золотым тиснением и подписью юристов холдинга стояли сухие, беспощадные условия. Либо наша клиника выплачивает колоссальный гарантийный залог за модернизацию инженерных сетей в размере двадцати миллионов рублей строго до конца текущего месяца, либо бессрочный договор аренды расторгается в одностороннем порядке, старинное здание консервируется и уходит под снос для обустройства подземного заезда.

Для профессора Савельева это письмо стало сокрушительным ударом прямо в сердце. Пожилой доктор отдал этому зданию всю свою сознательную жизнь, вложил в эти стены каждую копейку и душу. У него резко обострилась застарелая ишемическая болезнь. Вчера прямо во время утренней пятиминутки Павел Сергеевич побледнел, схватился за грудь и осел на руки коллег. Его увезли на реанимационной машине в кардиологический центр с предынфарктным синдромом.

Я осталась временно исполнять обязанности руководителя клиники. Весь непомерный груз ответственности за коллектив из тридцати человек, за оборудование и за сотни пациентов, записанных на сложные реконструктивные операции на месяцы вперед, лег на мои плечи. Среди них были подростки с тяжелыми челюстными аномалиями из малообеспеченных семей, ветераны труда и жертвы тяжелых аварий, которых мы вели годами по благотворительным квотам. Выбросить их на улицу означало предать все принципы Савельева.

Я пахала в три смены, забыв про нормальный сон, горячие обеды и личную жизнь. Я пыталась закрыть финансовую брешь и найти хоть какую-то зацепку среди банковских кредитов. Однако специализированная медицинская практика, державшая доступные социальные расценки ради спасения простых людей после травм, просто не генерировала таких шальных коммерческих миллионов. Каждый вечер я смотрела на банковскую выписку нашего расчетного счета, и внутри у меня все сжималось от глухой, яростной безысходности. До рокового часа оставалось меньше четырех недель, а на счете не набиралось даже десятой части нужной суммы.

В коридоре послышался знакомый мягкий шелест форменных медицинских тапочек. Дверь кабинета бесшумно отворилась, внутрь осторожно проскользнула Любочка, моя бессменная операционная ассистентка. Светловолосая, круглолицая девушка с вечно встревоженным взглядом больших серых глаз держала в руках пластиковый поднос с дымящейся кружкой травяного сбора.

— Кира Алексеевна, ну сделайте хоть три глотка, ради всего святого, — умоляющим шепотом заговорила Любочка, бережно пристраивая кружку на край столика с документами. — Вы с семи утра на одних зеленых яблоках и минералке сидите. У вас уже синяки под глазами залегли, лицо бледнее накрахмаленного халата. Руки же дрожать начнут от истощения. А вам еще журналы учета анальгетиков заполнять и протоколы дневных операций визировать.

Я стянула с носа край защитной маски и с усталой теплотой посмотрела на свою верную помощницу.

— Спасибо, Любаша. Мои руки не задрожат даже посреди артиллерийского обстрела, ты прекрасно это знаешь. Что там творится в регистратуре? Последние плановые пациенты разошлись?

— Последний дедушка с нижним съемным протезом ушел четверть часа назад, сто раз поклонился и передал вам баночку гречишного меда с собственной пасеки, — вздохнула девушка, подходя к металлической мойке и проверяя уровень дезинфицирующего концентрата в баках. — На улице настоящий потоп начался. Ветер деревья на бульваре к самой земле гнет, холод собачий, лужи по щиколотку. Может, закроем прием на час раньше положенного срока? Хоть доберетесь до дома спокойно, пока трамваи ходят. По такой собачьей погоде к нам ни одна живая душа не доберется, честное слово. Даже бездомные коты по подвалам попрятались.

Глава 2

Я подошла к высокой раковине из матовой нержавеющей стали, нажала локтем на рычаг дозатора и выдавила порцию густого антисептического мыла. Под струей теплой воды взбилась пышная пена с характерным терпким ароматом хлоргексидина. Я методично, не пропуская ни сантиметра кожи, вымыла пальцы, ладони и предплечья до самых локтей. Этот ритуал всегда помогал мне отсечь лишние тревоги и вернуть абсолютную ясность ума.

— Медицинский долг не закрывается на замок раньше времени, Любочка, — я вытерла руки, а Любочка, уже потянувшаяся к выключателю, остановилась. — Наша вывеска обещает экстренную помощь до двадцати двух ноль-ноль. Если кто-то поскользнется на мокром чугунном мостике пруда и получит вывих нижней челюсти, он должен увидеть свет в наших окнах, а не железный засов. Работай спокойно, приводи в порядок третий лоток. Проверь наличие карпул с ультракаином форте и срок годности шовного материала на полке неотложной хирургии.

Любочка покорно кивнула и принялась раскладывать ампулы по ячейкам стерилизационного лотка.

Я потянулась к картонной коробке на навесной полке и достала пару одноразовых латексных перчаток нежно-мятного оттенка. Тонкая эластичная резина с сухим хлопком обтянула мои ладони, идеально повторяя анатомический рельеф каждого сустава. Легкий, свежий аромат перечной мяты, смешиваясь с густым запахом гвоздичного масла и металлическим холодком стальных зондов, действовал на меня словно целебный глоток чистого кислорода.

В кабинете царила безупречная клиническая гармония. Тихонько урчал компрессор стоматологической установки, нагнетая давление в воздушные магистрали. На панели приборов мягко светились зеленые индикаторы подачи стерильной воды. На полке завершал термическую обработку тяжелый сухожаровой шкаф, издавая едва слышное металлическое потрескивание остывающего корпуса.

Я взяла в руки тонкий стальной зонд, проверяя пальцами идеальную гладкость рабочей грани. Этот инструмент за годы работы стал продолжением моей сенсорной системы. Малейшая шероховатость эмали, едва заметная фиссура, микроскопический очаг деминерализации передавались в подушечки пальцев четким тактильным сигналом. Я гордилась тем, что никогда не причиняла людям лишней боли. Настоящий врач лечит мягким движением, точным расчетом и непоколебимым спокойствием, внушая пациенту уверенность с первой секунды зрительного контакта.

Казалось, этот стерильный островок чистоты и порядка надежно защищен от всех безумств огромного ночного города за окном.

Ровно до того мгновения, пока тишину дождливого Чистопрудного бульвара не разорвал оглушительный, яростный рев сразу нескольких форсированных двигателей.

Этот звук не походил на обычный уличный шум большого города.

Низкий, утробный, раскатистый рев многолитровых моторов ударил по толстым стеклам особняка с такой чудовищной силой, что в шкафу за моей спиной тревожно зазвенели стеклянные флаконы с физраствором. Земля под фундаментом едва заметно вздрогнула. Следом за басовитым клетотом прямоточных глушителей раздался истошный визг пробуксовывающей резины на мокром асфальте бульвара, резкий хлопок перегазовки и металлический лязг резко затормозившей тяжелой техники.

Любочка вскрикнула, выронив из пальцев пачку стерильных марлевых салфеток.

— Господи помилуй, Кира Алексеевна, там что, бронетранспортер перевернулся?

Я подошла к высокому стрельчатому окну, отодвинув край плотной льняной шторы.

Прямо напротив нашего крыльца, перегородив обе полосы движения на Чистопрудном бульваре и наплевав на все существующие правила дорожной разметки, замерла целая кавалькада. Первым у самого гранитного бордюра хищно урчал низкий спортивный автомобиль кислотно-зеленого цвета с хищными гранями кузова. Это был спорткар Ламборгини Хуракан, из раздвоенных выхлопных патрубков которого в сырой вечерний воздух вырывались клубы сизого дыма. Сразу за ним на тротуар бесцеремонно заехал огромный черный рамный внедорожник сопровождения с включенными стробоскопами на радиаторной решетке.

Но главное внимание приковывал третий аппарат.

На широкой подножке у парадного входа стоял кастомный спортивный мотоцикл ручной сборки. Матово-черный хищный зверь с неприкрытой титановой рамой, открытыми хромированными цилиндрами оппозитного двигателя и широченным задним катком, покрытым комьями свежей рыжей глины. На топливном баке сверкала сложная серебристая аэрография в виде языков пламени и оскаленного черепа. Мотоцикл еще вибрировал всем корпусом, источая удушливый жар раскаленного металла, запах высокооктанового авиационного бензина и жженой резины.

Двери спорткара и внедорожника распахнулись почти одновременно.

Из машин высыпала шумная, возбужденная толпа молодых людей в одинаковых темных куртках с эмблемами команды каскадеров и экстремального вождения. Впереди всех вразвалочку, с надменной улыбкой на холеном лице шагал высокий парень в блестящем дизайнерском бомбере. Это был Денис, фигура, хорошо знакомая завсегдатаям столичных закрытых клубов и хроник скандальных происшествий. В вытянутой руке он держал новейший золотистый смартфон на стабилизаторе, нагло снимая происходящее на видео и громко гогоча на всю улицу.

— Сюда его тащите, каскадеры комнатные! — орал Денис, тыча пальцем в нашу скромную светящуюся вывеску. — Смотрите, целая клиника челюстно-лицевой хирургии! Прямо по профилю нашего непобедимого гладиатора! Сейчас ему здесь всю морду по запчастям переберут!

Тяжелые дубовые двери нашего подъезда с грохотом распахнулись, впуская в холл волну холодного сквозняка, запах сырого дождя, прелых тополевых листьев, едкого бензина и громких командных матов.

Я вышла из кабинета в холл, стягивая мятные перчатки и скрестив руки на груди. Любочка испуганно выглядывала из-за моего плеча, судорожно прижимая к груди пустой эмалированный лоток.

В центр холла, тяжело опираясь на плечи двух рослых парней в кожаных перчатках без пальцев, ввалился главный виновник переполоха.

На вид парню было около двадцати восьми лет. Высокий, широкоплечий, с фигурой прирожденного атлета, в котором чувствовалась дикая, пружинистая, первобытная сила. Черная байкерская куртка из толстой воловьей кожи на его левом плече была разорвана в клочья, обнажая содранную до мяса кожу и следы свежих ссадин. Плотные темные джинсы были сплошь перепачканы жидкой глиной и тормозной пылью. Густые темно-русые волосы слиплись от пота и дорожной грязи.

Но самое главное скрывалось на его лице.

Нижняя треть его породистого, резкого лица с волевым квадратным подбородком была залита темной кровью. Он судорожно прижимал к губам скомканный батистовый платок, уже насквозь пропитавшийся багровой жижей. Верхняя губа сильно распухла, из-под нее сочилась тонкая струйка сукровицы. Несмотря на явную тяжелую травму и пережитый шок, в его горящих янтарем и сталью глазах полыхала дикая смесь бешеного адреналина, злости и стопроцентной уверенности в том, что весь мир крутится вокруг его персоны.

Это был Матвей. Тот самый легендарный мажор, постановщик смертельно опасных трюков для кино и бессменный лидер столичной тусовки экстремалов, о чьих безумных прыжках на автомобилях и мотоциклах гудел весь интернет.

— Где тут у вас главный специалист? — прохрипел Матвей сквозь окровавленный платок, с трудом ворочая перекошенным ртом. Голос его звучал глухо, сдавленно, однако в интонациях звенела привычка отдавать приказы. — Живо сюда врача! У меня через двенадцать часов съемки генерального дубля в Подмоскovie, контракт на пять миллионов рублей!

Денис со своей камерой нагло протиснулся вперед, наводя объектив прямо на меня.

— Опачки! А вот и дежурный ангел милосердия! Девушка, сделайте жалостливое лицо для прямого эфира! Наш непобедимый трюкач только что исполнил затяжной полет на каркасном багги через строительный котлован на Новой Риге! Трамплин сработал на ура, полет на тридцать метров, а вот приземление вышло слегка корявым! Багги трижды крутанулся через крышу, ремни лопнули, наш герой приложился физиономией прямо о стальную трубу каркаса безопасности! Скажите на камеру, доктор, жить наш чемпион будет или сразу заказывать оркестр?

Свита за его спиной дружно заржала, предвкушая веселое зрелище.

Матвей грубо оттолкнул парней, поддерживавших его под руки, сделал два тяжелых шага к стойке регистрации и широким барским жестом шлепнул на полированную деревянную столешницу увесистую пачку пятидесятичных купюр в банковской упаковке.

— Здесь полмиллиона наличными, — процедил он, тяжело дыша и морщась от острой боли при каждом движении челюсти. — Мне плевать на ваши графики, очереди и правила. Залейте мне в десну тройную дозу самого мощного обезболивающего, заделайте дыру любым быстрым клеем и отпустите через десять минут. Мне нужно на ночную вечеринку по случаю закрытия сезона. Делайте свое дело, доктор.

Любочка за моей спиной онемела от такой наглости.

Я медленно перевела взгляд с пачки хрустящих купюр на испачканный глиной паркет, затем на наглую ухмылку Дениса с телефоном и наконец посмотрела прямо в глаза Матвею.

Пачка лежала на самом краю стойки. Я задержала на ней взгляд, пока он ждал, что деньги заставят меня торопиться. За семь лет в скоропомощной челюстно-лицевой хирургии я насмотрелась на таких самоуверенных мальчиков в избытке. Они искренне верили, будто папины деньги, рев моторов и дорогая одежда дают им право открывать двери ногой в любом месте.

Я подошла к стойке. Взяла из хозяйственного лотка у стойки длинный металлический корнцанг. Двумя стальными браншами я брезгливо ухватила край банковской пачки с деньгами, приподняла ее в воздух, словно грязную использованную ветошь, и с сухим стуком опустила прямо в пустой эмалированный таз на нижней полке стойки.

В холле повисла мгновенная тишина.

Глава 3

Денис даже опустил смартфон, вытаращив глаза. Парни из свиты переглянулись в полном недоумении. Матвей медленно опустил окровавленный платок от губ, обнажая жуткую картину.

Его верхний правый центральный резец был сильно сколот. Линия косого перелома подходила к краю десны, а из вскрытой пульпарной камеры алым рубином пульсировала обнаженная, живая нервная ткань. Любое движение воздуха вызывало жесточайший приступ боли, от которого скулы парня сводило судорогой, а по вискам катились капли холодного пота.

— Во-первых, гражданин каскадер, — я указала на таз; Матвей проследил за моим пальцем с таким лицом, будто я утопила его яхту. — Ваши деньги подождут здесь. В моем отделении расчет производится строго через официальную кассу после оказания помощи. Во-вторых, снимите обувь или натяните двойные бахилы из синего контейнера у входа. Вы притащили на исторический дубовый паркет полкилограмма подмосковной глины. В-третьих, весь ваш цыганский табор с телефонами и видеокамерами немедленно убирается за пределы входного тамбура на мокрый бульвар. Нахождение посторонних лиц в зоне операционного блока категорически запрещено санитарными нормами. Любочка, вызывай охрану, если граждане не покинут помещение через тридцать секунд.

Денис криво усмехнулся, пытаясь вернуть былую спесь:

— Эй, подруга, полегче на поворотах. Ты вообще в курсе, с кем разговариваешь? Перед тобой Матвей Беркутов, ведущий каскадер страны! Его отец держит строительный сектор половины округа!

— А передо мной, молодой человек, находится пациент с острой скелетной и одонтогенной травмой, осложненной кровотечением и массивным загрязнением раневой поверхности, — отрезала я, даже не глядя на Дениса. — Если пациент хочет сохранить альвеолярный отросток челюсти и не остаться через трое суток беззубым инвалидом с флегмоной лица, он закроет рот и проследует в смотровой кабинет. Время пошло.

Матвей сжал кулаки так, что костяшки побелели. В его глазах полыхнула ярость загнанного в угол зверя. Ни одна женщина в жизни не разговаривала с ним подобным тоном. Привыкший к визгу восторженных поклонниц и подобоострастию obsługi, он встретил стену из ледяного врачебного достоинства.

Он резко повернулся к своим спутникам.

— Все на улицу, — глухо прохрипел он сквозь зубы. — Денис, заглуши мотоцикл и жди у машины. Я сам разберусь.

Денис недовольно хмыкнул, однако спорить не посмел. Толпа каскадеров нехотя попятилась к выходу, скрипя мокрыми подошвами. Двери захлопнулись, отсекая уличный шум.

Матвей стянул с плеч разорванную кожаную куртку, бросил ее на банкетку, неуклюже натянул синие бахилы прямо на грязные мотоциклетные ботинки и широким, пружинистым шагом вошел в мой кабинет.

— Показывай свое логово, железная леди, — процедил он, тяжело опустившись в мягкое гидравлическое кресло. — Только учти, у меня крайне плохой характер, когда мне больно. И не вздумай в меня влюбляться, моя улыбка застрахована на круглую сумму в валюте.

Я подошла к креслу сбоку, нажала педаль регулировки высоты. Электромеханический привод с мягким гудением приподнял ложе, переводя спинку в полугоризонтальное положение.

— Ваша страховка меня не интересует, гражданин Беркутов. Меня интересует сохранность кортикальной пластинки вашей верхней челюсти. Голову на подголовник, подбородок чуть вверх.

Я потянулась к сенсорному выключателю бестеновой лампы. Мощный светодиодный блок вспыхнул ослепительным потоком в пятьдесят тысяч люксов, заливая лицо каскадера кристально-чистым белым светом. Матвей недовольно зажмурился, дернув головой.

Вымыв руки и надев свежие перчатки, я взяла со стерильного лотка плоское стоматологическое зеркало и тонкий зонд. Кончиками пальцев в мятных латексных перчатках я осторожно, но властно коснулась его подбородка, заставляя повернуть лицо к свету. Его кожа была горячей, сухой от адреналинового жара, пахнувшей дождем, мужским древесным парфюмом, дымом костра и сырым железом.

— Откройте рот, — скомандовала я.

Матвей неохотно разжал зубы.

После осмотра и снимка картина стала ясной. Центральный резец сколот на две трети коронки. Вскрытая пульпа кровоточила, ткани вокруг десневого сосочка были отечны и гиперемированы. На соседних зубах виднелись микротрещины эмали, но, к счастью, перелома альвеолярного отростка и подвижности зубного ряда первой степени не наблюдалось. Парню сказочно повезло. Удар металлической трубы пришелся по касательной траектории. Сместись вектор на полсантиметра вглубь — и мы собирали бы его верхнюю челюсть по кусочкам на операционном столе под общим интубационным наркозом.

— Ну что там, доктор? — с напускным высокомерием пробормотал Матвей, стараясь не шевелить челюстью. — Залепишь по-быстрому или будешь полчаса любоваться моей мужественной физиономией?

Вместо ответа я опустила правую ногу на педаль управления турбинным наконечником.

Воздушный клапан сработал с коротким металлическим щелчком. Алмазный бор, закрепленный в цанговом зажиме микротурбины, мгновенно разогнулся до трехсот тысяч оборотов в минуту. Кабинет огласил пронзительный, тонкий, леденящий душу высокий свист, сопровождаемый водяным аэрозольным факелом охлаждения.

И в эту самую секунду произошло нечто невероятное.

Великий, бесстрашный каскадер, прыгавший на багги через пропасти и горевший в пламени на съемочных площадках, внезапно замер, словно пораженный молнией.

Вся его наглая спесь, вся светская бравада и напускная мужественность испарились за долю секунды. Его смуглая, обветренная кожа на скулах моментально побелела, превратившись в цвет сырого мела. Зрачки расширились во весь глаз, затапливая радужку черным первобытным ужасом. Широкая грудь под хлопковой футболкой судорожно вздымалась от частого, сбивчивого дыхания.

Пальцы его огромных жилистых рук мертвой, судорожной хваткой вцепились в мягкие полиуретановые подлокотники кресла. Костяшки побелели до синевы, сухожилия на предплечьях натянулись, как стальные корабельные канаты. Он буквально вдавил свое мощное тело в анатомическую обивку кресла, отчаянно пытаясь слиться с ней и исчезнуть из этого пространства.

На его высоком лбу мгновенно проступили крупные бисеринки ледяного, липкого пота. Я убрала ногу с педали. Свист турбины смолк.

В тишине кабинета было слышно только его тяжелое, прерывистое дыхание, похожее на хрип загнанного волка.

Я медленно опустила наконечник на держатель и посмотрела на своего грозного пациента сквозь защитный пластиковый щиток. На моих губах под маской расплылась едва заметная, ироничная улыбка челюстно-лицевого хирурга.

Матвей следил за держателем наконечника. Стоило мне повернуться к нему, пальцы пациента снова впились в подлокотники. Вот чего он боялся сильнее огня и скорости.

Матвей судорожно дернулся всем телом, пытаясь сорвать со своего лица белый свет лампы и вырваться из плена кресла.

— Выключи эту чертову пилу! — хриплым, сорванным шепотом выдохнул он, упираясь ладонями в края ложа. Его широкие плечи ходили ходуном, а в расширенных зрачках плескалась настоящая животная паника. — Я ухожу! Слышишь? Я прямо сейчас лечу в частную клинику в Цюрих или Дубай на личном самолете отца! У вас тут средневековая камера пыток инквизиции! Никаких сверл во рту!

Он уже приподнял корпус, готовясь спрыгнуть на пол.

Я отвела лампу от его лица и показала пустую ладонь. Матвей проследил за ней, все еще упираясь ногами в подножку. Только тогда я коснулась его груди чуть ниже ключицы. Под футболкой бешено колотилось сердце.

— Хотите остановиться — поднимите руку. Я уберу инструмент, — сказала я. Он кивнул и сам вернул затылок на подголовник.

— Пока лежите, супермен. Инструмент выключен, — я кивнула на держатель. Матвей проверил глазами, где наконечник. — Договоримся до начала: с работающим бором во рту голову не поворачиваем. Сначала ваш сигнал, потом пауза.

Глава 4

Матвей тяжело сглотнул. Кадык на его мощной шее судорожно дернулся вверх и вниз.

— Мне не больно... Я боли не боюсь, — попытался огрызнуться он, хотя его нижняя челюсть мелко подрагивала. — Я на скорости сто пятьдесят километров в час в бетонную стену входил на съемках боевика. У меня шесть переломов ребер и два сотрясения мозга.

— Охотно верю, гражданин Беркутов. Но ремни безопасности здесь другие, — я дождалась, пока он посмотрит на меня. — Сейчас обезболим и обработаем зуб. Оставлять открытую пульпу до вашего Цюриха я вам не советую: боль вернется, а шанс сохранить ее живой станет меньше. Решайте. Я могу начинать?

Матвей смотрел на меня снизу вверх.

Мы находились так близко, что между нашими лицами оставалось не больше двадцати сантиметров. Я чувствовала исходящий от него горячий, терпкий мужской дух. Запах мокрой воловьей кожи, дыма жженой синтетической резины, дорогого табака и шлейфового парфюма с нотами кедра и дикого перца причудливо смешивался с чистым аптечным ароматом моей униформы. В глубине его зрачков, где только что бушевал панический ужас, внезапно вспыхнула новая, незнакомая искра. Искра жгучего мужского удивления перед женщиной, которая ни капли не боялась его грозного статуса и держала его волю в кулаке одним лишь спокойным взглядом моих серых глаз.

— Ты чокнутая, доктор, — прошептал он, но в кресле обмяк, перестав вырываться.

— Я хирург высшей категории, Матвей. А теперь закройте глаза. Сделайте глубокий медленный вдох через нос. Представьте свою гоночную трассу. Скоростной поворот, трамплин, контроль над машиной. Вы умеете управлять машиной на грани катастрофы?

— Да. Начинай. Управлять умею, — хрипло отозвался он, послушно прикрывая веки. Густые темные ресницы подрагивали.

— Отлично. Вот и держите траекторию. А управление ротовой полостью передайте мне. Я действовала стремительно и безупречно, не теряя ни единой драгоценной секунды.

Сначала я взяла стерильный ватный аппликатор, щедро обмакнула его в прозрачный обезболивающий гель с ароматом спелой дикой вишни. Легким, скользящим движением я нанесла гель на переходную складку десны над проекцией верхушки корня сломанного резца. Высококонцентрированный анестетик мгновенно заморозил рецепторы слизистой оболочки, устраняя малейшую чувствительность к будущему уколу.

— Держите дыхание ровным, — мягко командовала я, отсчитывая про себя шестьдесят секунд, необходимые для полной аппликационной блокады.

Затем я взяла в правую руку тяжелый карпульный шприц. Внутри металлического корпуса поблескивала стеклянная ампула с мощнейшим немецким артикаином форте с микродозой сосудосуживающего адреналина. На кончик шприца была накручена японская одноразовая игла тридцатого калибра, тонкая, словно паутинка, со специальной тройной лазерной заточкой среза.

Кончиками пальцев левой руки я осторожно отвела его распухшую верхнюю губу.

Матвей весь напрягся, словно пружина перед спуском, ожидая дикого, пронзительного удара иглы в воспаленную надкостницу. Мышцы его шеи натянулись, пальцы снова впились в обшивку подлокотников.

Я едва заметным, филигранным микродвижением погрузила срез иглы в онемевшую от вишневого геля слизистую. Плавное давление большого пальца на шток поршня, микроскопическая аспирационная проба для исключения попадания в сосуд, и препарат медленной, теплой струйкой потек в подслизистый слой, мягко оmyвая ветви переднего верхнего альвеолярного нерва.

Матвей даже не шелохнулся.

Он продолжал ждать боли, сжимая челюсти до хруста в височно-нижнечелюстных суставах.

— Откройте глаза, каскадер, — с легкой насмешливой ноткой в голосе произнесла я, опуская пустой шприц в металлический лоток. Инструмент звякнул о сталь тихим серебряным звоном.

Матвей осторожно приоткрыл один глаз, затем второй.

— И когда ты будешь колоть? — подозрительно спросил он, озираясь по сторонам. — Я думал, ты мне челюсть насквозь проткнешь.

— Укол уже сделан ровно сорок секунд назад, гражданин Беркутов, — улыбнулась я под маской. — Я хирург, а не деревенский кузнец. Как ощущения в области верхней губы?

Матвей шевельнул губами и удивленно замер.

— Ого... Она словно деревянная стала. Как будто кусок плотной резины пришили. И нос с правой стороны занемело.

— Превосходно. Анестезия подействовала. Боль ушла?

Парень прислушался к собственным ощущениям. Его глаза расширились от неподдельного восторга.

— Ушла. Совсем ушла. Вообще ничего не чувствую. Даже пульсация пропала.

— Вот и прекрасно. Теперь начинается чистое искусство реставрации. Открываем рот шире, ставим изоляцию.

Чтобы спасти обнаженную пульпу от агрессивной среды слюны, я установила систему коффердама. Тонкий квадратный платок из эластичного медицинского латекса изумрудно-зеленого цвета зафиксировался на соседних зубах крошечными титановыми зажимами. В рабочей зоне остался только поврежденный резец, абсолютно сухой, изолированный и чистый, словно на хирургической демонстрационной витрине.

Я снова взяла в руки турбинный наконечник.

На этот раз пронзительный свист бормашины не вызвал у Матвея панического припадка. Он лишь слегка прищурился, глядя, как я подношу микробор к сколотому краю эмали; его пальцы разжались на подлокотнике.

Под струей водяного охлаждения я аккуратно иссекла загрязненный дентин по линии удара. Затем переключилась на терапевтический наконечник с пониженными оборотами. Ювелирными движениями микроэкскаватора я провела частичную витальную ампутацию травмированного участка пульпы. Кровотечение из устьев каналов было остановлено специальной гемостатической губкой с кальцием. Поверх обнаженной живой ткани я наложила лечебную биокерамическую прокладку из силиката кальция, которая стимулирует выработку вторичного защитного мостика дентина.

— Ну что там, доктор? — донеслось глуховатое мычание Матвея сквозь латексную завесу. — Жить буду?

— Будете, если перестанете разговаривать под работающим инструментом, — строго отозвалась я, беря в руки шприц со светоотверждаемым жидкотекучим композитом. — Пульпу мы вам спасли. Нерв останется живым, зуб не потемнеет и не превратится в мертвую кость. Сейчас я сформирую временную анатомическую реставрацию высокой прочности, чтобы вы могли улыбаться на своих завтрашних съемках.

Я работала с вдохновением истинного мастера, забыв про усталость десятичасовой смены.

Слой за слоем, микропорция за микропорцией я наносила на подготовленный дентин сложный гибридный композит. Сначала опакующий слой, имитирующий глубокую плотность естественного зуба, затем полупрозрачную эмаль с легким перламутровым отливом режущего края. Каждый слой полимеризовался синим холодным светом специальной полимеризационной лампы, которая отсчитывала секунды короткими мелодичными писканиями.

Тонким алмазным финиром я вывела анатомические валики, микрорельеф вестибулярной поверхности и прозрачные мамелоны, в точности повторяя форму левого центрального резца. Затем прошлась гибкими шлифовальными дисками с уменьшающейся зернистостью и нанесла полировочную пасту с алмазной пылью на мягкой войлочной чашечке.

Спустя сорок минут напряженной, ювелирной работы я сняла зеленый латексный платок коффердама, вынула ватные валики и протянула пациенту стаканчик с антисептическим ополаскивателем.

— Сплюньте в раковину. Закройте рот, аккуратно сомкните зубы. Ничего не мешает покусать?

Матвей осторожно коснулся верхними зубами нижней губы. Постучал резцами друг о друга.

— Нет... Вообще не мешает. Как родной сидит.

Я взяла с полки круглое ручное зеркало с двукратным увеличением в серебристой оправе и протянула парню.

— Взгляните на свою семизначную страховку, гражданин каскадер.

Матвей взял зеркало. Поначалу он смотрел в него с настороженностью человека, ожидающего подвоха. Но затем его брови медленно поползли вверх, а рот приоткрылся в немом шоке.

Глава 5

В зеркале отражалась безупречная, ослепительно ровная, естественная улыбка. Сколотый край исчез без следа. Восстановленный резец ни по цвету, ни по микрорельефу, ни по прозрачности режущего края невозможно было отличить от соседнего зуба даже при пристальном взгляде с расстояния вытянутой руки. Лишь легкая ссадина на распухшей губе напоминала о чудовищном ударе о стальную трубу багги.

Матвей осторожно провел кончиком языка по гладкой поверхности восстановленной эмали.

— Невероятно... — ошеломленно выдохнул он, поднимая на меня глаза, в которых не осталось и следа прежней наглой спеси. — Ты просто ведьма, Кира. Настоящая волшебница. Как ты это сделала? Я думал, мне придется полгода вставлять железные штифты и ходить с дырой в челюсти!

— Семь лет практики, Матвей. И еще годы учебы до них, — я сняла перчатки, а он снова повернул зеркало к свету, проверяя мою работу. Мои пальцы слегка подрагивали от колоссального нервного напряжения, но лицо оставалось бесстрастным. — Но учтите. Это лишь временная композитная реставрация прямого моделирования. Основание корня получило тяжелейшую контузию. Вам категорически запрещено кусать этим зубом твердую пищу, открывать бутылки и прыгать на машинах через канавы. Завтра вы обязаны явиться на контрольный снимок и осмотр. Если начнется посттравматический периодонтит, придется проводить эндодонтическое лечение корневого канала.

Матвей медленно поднялся с кресла.

Его высокая, мощная фигура вновь обрела былую уверенность, хотя в движениях еще сквозила легкая слабость после адреналинового шторма. Он стоял передо мной, засунув руки в карманы джинсов, и пристально, не отрываясь, разглядывал меня. В его взгляде читалась

такая неприкрытая, жгучая мужская симпатия и глубокое уважение, что у меня под ложечкой сладко екнуло, а сердце пропустило глухой удар в ребра.

— Сколько я тебе должен за этот шедевр, спасительница? — спросил он низким, бархатым баритоном, сделав шаг ко мне.

— Все расчеты строго по официальному прейскуранту через кассовый терминал у Любочки, — отчеканила я, удерживая между нами дистанцию в один шаг. — И не забудьте забрать свои деньги из таза у стойки. До свидания, гражданин каскадер.

Матвей усмехнулся углом красивого рта.

— Мы не прощаемся, доктор Кира. Ты даже не представляешь, насколько сильно мы не прощаемся.

Он круто развернулся на каблуках и уверенной походкой вышел в коридор.

В холле клиники Любочка торопливо пробивала кассовый чек на новеньком терминале. Пальцы девушки слегка подрагивали, когда она передавала Матвею отпечатанную бумажную ленту. Парень небрежно сгреб из эмалированного таза свои купюры, упаковал их в полиэтиленовый пакет и расплатился пластиковой карточкой, даже не глядя на сумму на экране. Он все еще пребывал в состоянии глубокой внутренней контузии от пережитого контраста между паническим ужасом и ювелирным триумфом моего мастерства.

Тяжелая дубовая дверь хлопнула, выпуская каскадера на улицу.

Я поднялась по широкой деревянной лестнице на второй этаж в ординаторскую. Голова гудела от усталости, в висках пульсировала глухая тяжесть. Мне требовался глоток свежего воздуха. Я подошла к высокому эркерному окну, выходящему прямо на Чистопрудный бульвар, и распахнула тяжелую створку.

Ночной ливень наконец начал стихать, сменившись мелкой, водяной пылью. Прохладный влажный воздух, пахнувший мокрым гранитом, прелой листвой и озоном, приятно остудил разгоряченное лицо. Пруд внизу казался огромным черным зеркалом, в котором дрожали размытые золотые полосы от старинных фонарей.

Прямо под окнами клиники разворачивалось бурное продолжение драмы.

Возле кислотно-зеленого спорткара Ламборгини Хуракан и черного внедорожника сгрудилась вся каскадерская команда. На тротуаре на широкой боковой подножке замер кастомный спортивный мотоцикл Матвея. В свете фонарей его черная матовая рама и хромированные патрубки казались хищным скелетом фантастического зверя. Этот мотоцикл был подлинным произведением инженерного искусства, собранным вручную из титановых сплавов и авиационного алюминия, предметом бешеной гордости своего владельца.

Денис стоял, привалившись бедром к капоту зеленого спорткара, и громко, на всю набережную, заливался ядовитым хохотом.

— Народ, вы только поглядите на этого героя боевиков! — орал Денис, тыча пальцем в выходящего на крыльцо Матвея. — Наш грозный покоритель пропастей вышел из стоматологии на полусогнутых ногах! Я в окно смотровой видел твою физиономию, Беркутов! Ты сидел там белый, словно простыня в морге, и вцепился в ручки кресла так, будто багги в кювет летит! Великий каскадер чуть сознание не потерял от крошечного сверла в руках девчонки в белом халате! Ты окончательно сдулся, Матвей! Растерял весь свой дутый авторитет!

Толпа каскадеров за спиной Дениса нестройно заржала. Парни переглядывались, подначивая своего лидера.

Матвей в два широких шага преодолел расстояние между ними. Его рука молниеносно взметнулась вперед, пальцы мертвой хваткой вцепились в воротник блестящего бомбера Дениса, с силой впечатывая насмешника лопатками в полированный капот Ламборгини.

— Заткнись, Денис, — глухо, с леденящей яростью прорычал Матвей. Желваки на его челюсти вздулись буграми. — Я этот трюк на багги докручу, а тебе советую поберечь челюсть. Она у тебя хрупкая.

Денис судорожно дернулся, однако надменная, скользкая ухмылка не сошла с его холерного лица. Он прекрасно знал, на какие болевые точки нужно давить, чтобы задеть бешеное самолюбие друга детства.

— Руки убери, каскадер, — с ядовитым прищуром прошипел Денис, глядя прямо в горящие яростью глаза Матвея. — Правда глаза колет? Да ты перед этой пигалицей в белом халате штаны чуть не намочил от страха! Она тебя раскатала в тонкий блин за две минуты! Заставила бахилы натянуть, выставила на мороз и отчитала, словно нашкодившего второгодника! Ты к ней теперь на пушечный выстрел подойти побоишься! Она на тебя даже не взглянет как на мужчину. Для нее ты просто трусливый мешок с деньгами!

— Ты несешь чушь, — процедил Матвей, сильнее сдавливая ткань куртки соперника.

— А давай проверим на деле, Беркутов! — звонко, на весь бульвар выкрикнул Денис, поднимая руки вверх. — Хватит трепаться! Сыграем по-крупному, на глазах у всей команды! Пари на тридцать дней!

Вся тусовка вокруг мгновенно замерла. Парни затаили дыхание. Даже мотор внедорожника, работавший на холостых оборотах, казался тише.

Денис демонстративно хлопнул ладонью по ярко-зеленому крылу своего спорткара.

— Я ставлю этот новенький Ламборгини Хуракан против твоего кастомного спортивного мотоцикла ручной сборки! Ровно тридцать календарных дней! Если ты за месяц не выдержишь полный курс лечения у этой железной докторши, сбежишь от ее бормашины, твой уникальный черный байк навсегда переезжает в мой гараж! Но если выдержишь лечение и докажешь, что ты мужик со стальными нервами, эта зеленая ракета становится твоей собственностью без единого рубля доплаты! Ну что, каскадер, слабо принять вызов или струсил прямо здесь?

Матвей замер.

Его взгляд метнулся к матово-черному мотоциклу, в который он вложил три года жизни и бешеные миллионы рублей, затем к хищным граням спорткара и наконец к темным окнам второго этажа нашей клиники.

В его глазах вспыхнул такой бешеный, азартный, неукротимый огонь, от которого у меня на втором этаже перехватило дыхание.

— По рукам, Денис! — громко, раскатисто рявкнул Матвей. — Ровно тридцать дней! Готовь ключи и документы на свой Хуракан!

Глава 6

Мужчины с размаху ударили по рукам над капотом спорткара. Золотая молодежь восторженно взвыла, захлопала в ладоши, оглашая ночной бульвар свистом и криками.

Я стояла у открытого окна, и внутри меня все клокотало от ледяного презрения.

Богатые бездельники. Избалованные мальчишки, которым некуда девать миллионы и адреналин. Они спорят на спорткары и эксклюзивные мотоциклы ради пустой забавы, меряясь своей сомнительной крутизной. Денис решил взять Матвея на слабо, будучи уверенным, что каскадер сбежит от медицинских манипуляций, а Матвей решил доказать своей тусовке, будто способен выдержать тридцать дней лечения вместо того, чтобы снова сбежать из кресла.

Они считали наше святое ремесло и человеческие чувства простой ареной для циничных пари.

Я решительно захлопнула оконную раму, повернула шпингалет и вернулась к рабочему столу в ординаторской. На столе лежало роковое письмо от инвестиционной компании с требованием выплатить двадцать миллионов рублей залога за аренду. Время утекало, словно песок сквозь пальцы. Профессор Савельев лежал в реанимации, а я не имела права отвлекаться на глупые выходки мажоров.

Снизу слышались тяжелые, гулкие шаги, поднимающиеся по дубовой лестнице.

Дверь ординаторской распахнулась без стука.

На пороге снова стоял Матвей Беркутов.

Он успел смыть кровь и грязь с лица в санитарной комнате внизу, надел чистую сменную куртку из тонкой черной замши и теперь выглядел пугающе собранным, подтянутым и опасным. В его руках была зажата тяжелая папка из плотной кожи с логотипом крупного кинематографического и каскадерского холдинга.

— Нам нужно поговорить, Кира Алексеевна, — произнес он низким, абсолютно трезвым и деловым голосом, закрывая за собой дверь.

— Часы приема окончены, гражданин Беркутов, — холодно отозвалась я, не поднимаясь из-за стола. — Все плановые записи на понедельник через регистратуру.

Матвей подошел к столу, отодвинул тяжелый дубовый стул и сел напротив меня. Он положил кожаную папку прямо поверх стопки моих финансовых отчетов.

— Забудьте про приемные часы. Давайте поговорим как взрослые деловые люди. Я только что изучил ваши проблемы. Ваш администратор передала моему помощнику номер управляющего. Он подтвердил сумму: вы ведь ищете спонсора. Я знаю, что инвестиционная группа выставила клинике профессора Савельева ультиматум на двадцать миллионов рублей залога за историческое здание. Если денег не будет до конца месяца, вас вышвырнут на улицу с бульдозерами.

Мое сердце пропустило болезненный толчок. Я сжала пальцы под столом, сохраняя непроницаемое выражение лица.

— Это внутренние дела клиники, которые вас абсолютно не касаются.

— Касаются, Кира Алексеевна. Напрямую касаются, — Матвей раскрыл папку, извлекая типовой проект договора своей компании. — Моя компания по постановке экстремальных трюков и кинопроизводству как раз искала генерального медицинского партнера для экстренного обслуживания и реконструктивной хирургии наших пилотов. Я предлагаю вам официальный контракт на генеральное медицинское спонсорство. Мы вносим за вашу клинику ровно двадцать миллионов рублей целевого невозвратного аванса за модернизацию здания прямо в понедельник утром. Ваш юрист проверит условия. Платеж закроет нынешнее требование по инженерным сетям и даст время бороться за аренду.

Я замерла, глядя на ровные строки юридического документа с реквизитами компании.

Это было настоящее спасение. Спасение для Павла Сергеевича, чье сердце не выдержало бы гибели дела всей жизни. Спасение для тридцати врачей и сестер, для сотен пациентов, ожидавших бесплатных квот. Двадцать миллионов позволяли пережить этот месяц. Судьбу самого здания еще предстояло отстоять.

Но бесплатный сыр бывает только в мышеловках.

— Каковы ваши встречные условия, гражданин Беркутов? — спросила я, буравя его взглядом.

Матвей подался вперед, уперев локти в край стола. В его глазах полыхнула хищная, победная искра.

— Условие одно. Ровно тридцать дней плотного индивидуального графика. Я должен пройти полный курс комплексной реабилитации, наблюдения за травмированным зубом и подготовки к постоянной коронке. И проводить все манипуляции будете исключительно вы, доктор Кира. Лично. Каждый день или через день, по вашему назначению. Вы будете моим персональным куратором на весь этот месяц.

Вот оно.

Пари на тридцать дней. Мажор решил совместить спасение своего разбитого лица с победой в споре над Денисом, купив мое присутствие за деньги своей корпорации. Он думал, что двадцать миллионов рублей превратят меня в покорную исполнительницу его капризов.

Внутри меня вскипела ледяная, расчетливая ярость.

Он хотел тридцать дней? Он их получит. Но играть мы будем исключительно по моим хирургическим правилам.

Я пододвинула договор к себе, взяла со стола тяжелую перьевую ручку с черными чернилами и посмотрела прямо в насмешливые глаза каскадера.

— Клиника примет ваш спонсорский контракт, Матвей. Но к нему будет составлено дополнительное соглашение строгого медицинского регламента из четырех обязательных пунктов.

Матвей удивленно вскинул темную бровь.

— Диктуйте, доктор.

— Пункт первый, — отчеканила я каждым словом словно ударом скальпеля. — Абсолютная профессиональная дистанция. Никаких личных разговоров, никаких звонков во вне-рабочее время, никаких букетов, ресторанов и попыток нарушить границы. Общение происходит строго в пределах клинического протокола. Пункт второй. Железная пунктуальность. Опоздание на прием более чем на шестьдесят секунд влечет отмену визита. Пункт третий. Беспрекословное подчинение хирургу. В кабинете команду я. Если я говорю сидеть неподвижно и дышать носом, вы сидите неподвижно и дышите носом без лишних дискуссий. И пункт четвертый, самый главный.

Я сделала паузу, глядя ему прямо в переносицу.

— Если вы хоть один раз нарушите санитарный регламент, проявите неуважение к персоналу или попытаетесь перейти границы дозволенного, договор расторгается в ту же секунду. При этом вся сумма спонсорского взноса в размере двадцати миллионов рублей остается на счете клиники как невозвратная целевая помощь. Вы согласны на такие условия, гражданин Беркутов?

Матвей смотрел на меня так, словно перед ним только что материализовался самый опасный трамплин в его каскадерской карьере.

Он перечитал четвертый пункт, затем поднял глаза на меня. Я ждала торга. Матвей вместо этого подвинул страницу обратно и протянул руку за ручкой.

— Согласен на каждый пункт, железная Кира, — тихо, с хрипотцой в голосе произнес он.

Он перехватил ручку из моих пальцев. В момент передачи наши пальцы случайно соприкоснулись.

Это было секундное касание, однако между нашими телами словно проскочил электрический разряд чудовищной мощности. Меня обдало жаром его горячей кожи, дыхание перехватило, а под ребрами сладко и тревожно заныло. Матвей тоже вздрогнул, на мгновение задержав дыхание и заглянув в самую глубину моих глаз.

— И хотите каждый день бывать рядом с врачом — посмотрите, как работает клиника. Предлагаю помогать санитарной службе между приемами. Добровольно, под присмотром сестры.

— Швабра вместо букета? — Он усмехнулся. — Ладно. Завтра в восемь.

Он вписал согласие в приложение. Окончательный договор наши юристы должны были согласовать утром; деньги он обещал внести в понедельник.

Тридцать дней пари начались. И я была готова встретить этот вызов во всеоружии.

Глава 7

Холодный октябрьский рассвет над Чистыми прудами всегда пахнет мокрым асфальтом, прелыми клеверными листьями и легкой озерной тиной. Ровно в семь сорок пять утра я повернула тяжелый латунный ключ в замке дубовой двери нашей клиники. На старинном чугунном крыльце особняка еще дрожали капли ночного дождя. Внутри помещения царила священная предрассветная тишина, нарушаемая лишь мерным, едва слышным гудением настенных ультрафиолетовых рециркуляторов воздуха.

Этот утренний воздух я любила больше любого парфюма на свете. В нем переплетались чистый медицинский спирт, сладковатая нота эвгенола с ароматом сушеной гвоздики, свежесть стерилизационных упаковок и легкий озон. Для обычного человека это была тревожная больничная атмосфера, вызывающая мелкую дрожь в коленях. Для меня же этот запах означал абсолютный покой, точность и полный контроль над материей.

Я сбросила бежевый тренч в ординаторской, аккуратно застегнула белоснежный хлопковый халат с коротким рукавом, собрала волосы в тугий гладкий узел на затылке и прошла в стерилизационный блок. Наша старшая медсестра Людочка, круглолицая женщина пятидесяти лет с феноменальной памятью на чужие дни рождения и идеальным глазомером, уже заваривала крепкий травяной сбор в широком глиняном чайнике.

— Доброе утро, Кира Алексеевна, — Людочка приветливо кивнула мне, перетирая салфеткой из микрофибры внешний корпус ультразвуковой ванны. — На первую половину дня у нас плотная сетка. Девять утра — резекция верхушки корня у доцента с биофака. В одиннадцать — сложное атипичное удаление нижней ретинированной восьмерки у штангиста из секции тяжелой атлетики. Там корни крючком в нижнечелюстной канал уходят, снимок прямо жуткий. А дальше два синус-лифтинга и установка шести имплантов.

— Прекрасно, Людочка, — отозвалась я, доставая из настенного диспенсера пару тонких мятных латексных перчаток.

Латекс натянулся на пальцы с легким хлопком, плотно облекая ладони второй кожей. Запах перечной мяты мгновенно перебил все остальные запахи. Я взяла с лотка холодный стальной зонд, легко крутанула его в пальцах, проверяя балансировку острия, и положила обратно на стерильную салфетку. Пальцы были спокойными, сухими и теплыми. Никакого волнения. Только четкий хирургический ритм предстоящего рабочего дня.

— Кстати, — Людочка лукаво прищурилась, понизив голос, — тот вчерашний буйный пациент после аварии на багги... Он правда придет отрабатывать санитаром? Или вы просто решили проучить наглого мальчика из золотого квартала?

— Он придет, — я сверила срок на стерильной упаковке. — Сегодня контроль зуба, а между приемами он сам согласился помогать. Вчера мы сохранили пульпу и восстановили коронку композитом. Теперь надо следить, как зуб перенесет травму. И научить его хотя бы оставлять грязные ботинки за порогом.

Ровно в восемь ноль-ноль входная дверь хлопнула так, будто в холл ворвался шквалистый ветер. Колокольчик над притолокой жалобно тренькнул и затих.

По коридору раздались уверенные, тяжелые шаги. Спустя секунду на пороге стерилизационной выросла внушительная фигура Матвея Беркутова.

В утреннем холодном свете ламп он выглядел настолько чужеродно среди нашего стерильного кафеля, насколько это вообще было возможно. Расстегнутый черный кожаный бомбер с широкими плечами стоял, наверное, как годовой запас стоматологических боров для всей нашей клиники. Белоснежные дизайнерские кроссовки не знали пыли городских тротуаров, ступая прямо из салона роскошного автомобиля. Темные волосы были нарочито небрежно взъерошены, на щеках темнела двухдневная ухоженная щетина, а в серых глазах горела та самая самоуверенная искра, с которой мужчины привыкли открывать любые двери ногой.

Единственным изъяном в этой безупречной картине праздной сытости был его рот. Матвей держал губы чуть приоткрытыми, стараясь не обнажать передний ряд зубов, с восстановленным вчера резцом после безумного прыжка на багги. В правой руке он сжимал высокий картонный стаканчик с кофе из модной кофейни, а левой прижимал к уху новейший титановый айфон, продолжая диктовать кому-то короткие распоряжения.

— Денис, переведи каскадеров на вторую площадку, — бросал он в микрофон глубоким, бархатным баритоном, даже не удосужившись поздороваться с нами. — Каркас безопасности переварить к вечеру. Я на месте, решаю мелкие вопросы с медициной. Скоро буду свободен.

Он небрежно сбросил вызов, сунул телефон в задний карман потертых брендовых джинсов и окинул помещение ленивым взглядом победителя. Его глаза скользнули по белым шкафам, по Людочке, застывшей с тряпкой в руках, и остановились на мне.

— Доброе утро, доктор Воропаева, — произнес Матвей с легкой насмешливой полуулыбкой, осторожно касаясь восстановленного зуба языком. — Как видишь, я пунктуален. Прибыл отбывать твою причудливую повинность. Куда мне присесть, чтобы вы начали делать слепок? У меня через два часа совещание по трюкам для нового фильма, так что давай закончим эту формальность поскорее.

Я даже не шелохнулась. Стояла у металлического стола, сложив руки в мятных перчатках на груди, и внимательно смотрела на него снизу вверх. Ростом он был под метр девяносто, косая сажень в плечах, жилистый, тяжелый, словно выкованный из тренированных жил и упрямства. От него пахло дорогим древесным парфюмом, кожей куртки и жареными зернами кофе.

— Первое, — негромко произнесла я, и мой голос прозвучал удивительно четко в гулкой тишине блока. — Ты вошел в чистую зону медицинского учреждения в уличной обуви. Вон там у порога стоят контейнеры с бахилами. Развернулся, вышел в тамбур, надел бахилы на обе ноги.

Беркутов удивленно моргнул, словно я заговорила на древнегреческом языке.

— Кира, брось, — он хмыкнул, шагнув вперед. — Я наступил всего два раза. Давай я просто переведу вашей клинике сто тысяч на клининг, пусть ваши уборщицы моют полы хоть круглые сутки.

— Второе. — Я указала на стаканчик; Матвей машинально отставил его от чистого стола. — Твой кофе прямо сейчас летит в урну у входа. В помещениях операционного блока запрещено находиться с напитками.

Матвей нахмурился. Улыбка сползла с его лица. Он привык, что женщины тают от его взгляда и прощают любую дерзость. Здесь же перед ним стояла строгая женщина в белом халате, смотревшая на него исключительно как на источник потенциального сепсиса.

— Ты серьезно? — протянул он, понизив голос. В нем прорезались опасные, властные нотки. — Этот кофе стоит дороже половины твоих склянок на полке.

— Для меня он представляет собой биологический мусор, — парировала я, глядя ему в глаза. — И третье. Телефон.

Я выдвинула металлический бокс с крышкой из полированной стали и поставила на угол стола.

— Выключаешь звук и кладешь аппарат сюда. До конца смены.

Матвей остолбенел.

— С ума сошла? У меня в телефоне вся подготовка к съемкам. Пятьдесят человек массовки, аренда техники. Я не могу остаться без связи.

— Ты пришел сюда вовсе не руководить съемками, Беркутов, — холодно ответила я. — На поверхности твоего аппарата бактерий больше, чем на поручне в метро в час пик. Ты пришел помогать в клинике после травмы. Мы договорились: здесь ты выполняешь указания персонала. Правила простые. Либо телефон в бокс, кофе в ведро, а ты надеваешь форму, либо разворачиваешься и ищешь другого врача, готового рисковать лицензией ради твоей физиономии.

В комнате повисла тяжелая, звенящая пауза.

Людочка за моей спиной затаила дыхание, боясь скрипнуть подошвами. Я видела, как на виске Матвея дернулась синяя жилка. Его мощная грудь тяжело вздымалась под тонкой футболкой. Он боролся с собственным бешеным самолюбием. В его глазах полыхала ярость избалованного мажора, которому впервые в жизни указали на его истинное место. Ему безумно хотелось развернуться, хлопнуть дверью и уехать.

Он покосился на бокс, потом на меня. Вчерашний страх перед креслом еще держал его крепче любого договора. Матвей провел языком по восстановленному зубу и убрал телефон от лица.

Матвей шумно выдохнул сквозь зубы.

Он молча развернулся, подошел к мусорному ведру у входных дверей и с глухим стуком швырнул туда полный стаканчик с кофе. Затем достал из кармана телефон, пальцем щелкнул тумблер беззвучного режима и, вернувшись к столу, опустил аппарат на мягкую резиновую прокладку металлического бокса.

— Довольна, доктор Торквемада? — процедил он сквозь зубы.

— Вполне. — Я закрыла крышку. Он проводил взглядом исчезающий телефон, будто я заперла там часть его самого. — Теперь пройдем в мужскую раздевалку. Твой парадный гардероб здесь никого не интересует.

Глава 8

Я провела его по узкому коридору в небольшую комнату для дежурного персонала. Там пахло свежей выстиранной тканью, мылом и сухим теплом от настенного радиатора. Открыв двустворчатый металлический шкафчик, я сняла с верхней полки плотный пакет из крафтовой бумаги со штампом центральной больничной прачечной и протянула ему.

— Надевай.

Матвей разорвал бумагу и вытряхнул содержимое на деревянную скамью.

Перед ним предстал казенный хирургический костюм темно-зеленого оттенка из грубого, многократно проваренного хлопка. Широкие бесформенные штаны на хлопчатобумажных завязках вместо ремня и длинная свободная рубаша с короткими рукавами и треугольным вырезом на груди. Рядом из пакета выпали белые резиновые сабо сорок пятого размера с круглыми дырочками на носках.

Беркутов посмотрел на этот наряд с неподдельным ужасом.

— Это же форма сантехника из старого ЖЭКа. На мне рубашки ручного пошива сидят лучше, чем этот мешок из-под картошки.

— Эта хлопковая ткань прошла автоклавирование при температуре сто тридцать два градуса под давлением в две атмосферы, — отрезала я, прислонившись к дверному косяку. — В ней нет ни единой споры грибка и ни одной пылинки. Все украшения долой. Часы, цепочку с шеи, кольца. Металл задерживает кожное сало и собирает грязь. У тебя три минуты. Я жду у раковины предоперационной подготовки.

Я вышла и прикрыла за собой дверь, едва сдерживая торжествующую улыбку. Гордость этого парня трещала по швам, но он держался, цепляясь за остатки своего каскадерского упрямства.

Ровно через три минуты дверь раздевалки со скрипом отворилась.

Матвей шагнул в коридор, и мне потребовалось все мое врачебное самообладание, чтобы не рассмеяться в голос.

Зеленый костюм превратил столичного мажора в гигантского санитаря. Широкие брюки топорщились, завязки свисали с пояса, а резиновые сабо глухо шлепали по линолеуму. Впрочем, даже эта больничная роба не могла скрыть его телосложения. Плечи натягивали ткань, ключицы выделялись в вырезе ворота, а предплечья со шрамами от падений выглядели внушительно.

Матвей угрюмо посмотрел на меня исподлобья, скрестив руки на широкой груди.

— Ну как? Гожусь для обложки вестника канализации?

— Выглядишь как человек, готовый к честному труду, — отозвалась я, поворачиваясь к глубокой фаянсовой раковине предоперационной с локтевыми смесителями. — А теперь самое главное. Учимся мыть руки. Настоящие мужчины в кино эффектно крутят руль и прыгают с вертолетов, но в хирургии все начинается с мытья конечностей.

— Я умею мыть руки, Кира, — с досадой бросил он, подходя ближе. — Мне давно не пять лет.

— Сейчас проверим твое умение, — я указала локтем на длинный хромированный рычаг смесителя. — Нажимай локтем. Никаких пальцев. Вода должна быть теплой, около сорока градусов.

Матвей с недовольным вздохом нажал локтем на рычаг. Вода с мягким шелестом хлынула в слив.

— Локтевой дозатор с жидким мылом — три нажатия, — командовала я, стоя у него за правым плечом. От него все еще слабо веяло теплым мускусом и свежестью души, этот запах странно волновал меня вопреки строгой рабочей обстановке. — Теперь берешь из контейнера

стерильную капроновую щетку. Тщательно проходишь ногтевые ложа каждого пальца. Потом межпальцевые промежутки. Ладони круговыми движениями. Тыльную сторону кистей. И поднимаешься вверх по предплечью ровно до границы верхней трети. Понял?

— Инструкция понятна, командир, — съязвил он, яростно намыливая ладони.

Белая пена густо взбилась на его широких кистях. Матвей принялся остервененно тереть пальцы щеткой, явно вкладывая в это движение всю накопившуюся злость. Брызги мыльной воды веером полетели на зеркало, на кафельную стену и на подол моего халата.

— Спокойнее, Беркутов, — осадила я его, сделав шаг назад. — Ты не палубу драишь на шхуне во время шторма. Движения должны быть размеренными, четкими, анатомическими. Никакой лишней суеты. Хирург бережет силы и защищает кожу. Смойвай.

Он подставил руки под струю воды, ладони скользнули вниз, и кончики его мокрых пальцев случайно мазнули по краю стального сливного отверстия.

— Стоп! — резко оборвала я.

Матвей замер, подняв на меня удивленный взгляд. Вода стекала по его намыленным локтям.

— Что опять не так?

— Ты коснулся кромки раковины. — Я показала место, которого задела его пальцы. Он посмотрел вниз и закатил глаза. — Протокол нарушен. Бактериальное загрязнение восстановлено. Все сначала.

— Ты издеваешься? — его голос дрогнул от искреннего бешенства. — Я тер эти щетки две минуты! У меня кожа горит!

— В хирургии полумер не бывает, Матвей, — я посмотрела ему прямо в глаза, и моя ладонь в мятной перчатке легла на край столешницы рядом с его рукой. — Если во время операции ты коснешься нестерильного предмета и полезешь этим пальцем в рану, пациент получит тяжелейшее воспаление челюсти. Кость начнет плавиться за считанные дни. В микромире нет жалости к капризам богатых парней. Берешь новую щетку и моешь заново.

Челюсти его сжались, на скулах вздулись комки мышц. Каскадер привык рисковать шеей, но перед этой спокойной женской непреклонностью оказался бессилён.

Сжав зубы, Матвей потянулся локтем к дозатору, выдавил мыло и снова взял стерильную щетку. На этот раз он мыл руки медленно, сосредоточенно, контролируя каждый миллиметр пространства вокруг раковины. Его сильные, покрытые царапинами пальцы двигались аккуратно и точно. Я наблюдала за ним, чувствуя, как внутри разливается странное, теплое удовлетворение. Под внешней маской наглого повесы скрывался человек с великолепной координацией и железной способностью к концентрации, стоило лишь сбить с него поверхностную спесь.

— Достаточно, — мягко сказала я, когда таймер на стене отсчитал положенные три минуты. — Смой от кончиков пальцев к локтям. Локти держи внизу, кисти вверх. Вода не должна стекать обратно на пальцы.

Он послушно выполнил движение, глядя на свои мокрые ладони.

— Теперь сушим стерильными полотенцами промокательными движениями. И спиртовой кожный антисептик. Три миллилитра. Втирать до полного высыхания.

Когда спирт испарился с его кожи, оставив терпкий дух чистоты, Матвей поднял согнутые в локтях руки на уровень груди, как заправский хирург перед входом в операционный блок.

— Ну? Теперь я чист перед твоей святой инквизицией?

— Для первого раза сносно, — сдержанно кивнула я, пряча довольный взгляд. — Запомни это положение рук. Руки ниже пояса не опускать, к телу не прижимать, к лицу не прикасаться. Ты здесь санитар-стажер. Твоя задача — слушать мои команды, не путаться под ногами и держать рабочее поле в безупречной чистоте. Дистанция между нами — один метр. Нарушишь регламент — к работе сегодня больше не допущу. Вопросы есть?

Матвей смерил меня долгим, внимательным взглядом. В глубине его серых глаз уже не было прежней ледяной злости. Там вспыхнуло нечто новое — глубокий мужской интерес к женщине, которую нельзя купить, запугать или подчинить дешевым пафосом.

— Вопросов нет, Кира Алексеевна, — негромко произнес он, и в уголках его губ дрогнула настоящая, живая улыбка. — Веди в бой. Посмотрим, из какого теста сделаны твои железные челюсти.

Глава 9

Стерилизационный блок нашей клиники был святилищем порядка, где каждая металлическая деталь подчинялась законам абсолютной чистоты. На длинном столе из матовой нержавеющей стали стояли глубокие ванны с дезинфицирующими растворами, ультразвуковая мойка и электронный упаковочный станок. В углу мерно гудел тяжелый двухкамерный автоклав, похожий на иллюминатор космического корабля с круглым массивным люком и хромированным запорным колесом.

— Твоя первая задача, стажер, — я указала Матвею на сетчатую корзину, наполненную замоченным инструментом. — Предстерилизационная очистка. Механически удаляем любые биологические следы. Берешь вот эту мягкую латунную щетку и промываешь каждый инструмент под проточной водой.

Матвей с сомнением заглянул в корзину. На блестящем металле лежали тяжелые анатомические щипцы с рифлеными ручками, штыковидные элеваторы, острые распаторы и тонкие стальные зонды с загнутыми кончиками.

— Слушай, Кира, — он осторожно взял двумя пальцами длинный элеватор Леклюза с массивной Т-образной рукоятью. — Этим набором инквизитора можно вскрывать сейфы в швейцарских банках. Вы точно зубы лечите, а не двигатели перебираете?

— Зубы держатся в челюсти крепче, чем болты в твоём разбитом багги, — парировала я, натягивая свежие перчатки. — Насаживай корзину на направляющие ультразвуковой ванны. Включай тумблер справа. Семь минут на частоте тридцать пять килогерц. Кавитационные пузырьки выбьют мельчайшие частицы из замковых соединений.

Беркутов взялся за работу с подчеркнуто независимым видом. Однако стоило ультразвуковой ванне отозваться высоким зудящим пискom, как он поморщился. Физический труд в душном помещении стерилизационной оказался куда менее романтичным, чем эффектные

трюки перед кинокамерами. Через полчаса его лоб покрылся испариной. На мускулистых предплечьях вздулись вены, а широкие зеленые штаны промокли на коленях от брызг дезинфицирующего раствора.

После мойки наступил этап упаковки. Я показала ему рулоны комбинированных пакетов из плотной бумаги и прозрачной пленки.

— Инструмент раскладывается строго комплектами, — объясняла я, запаивая термоножом край первого пакета. Зеленая индикаторная полоска на бумаге мягко блеснула под лампой. — В каждый пакет закладываем химический индикатор четвертого класса. Если при нагреве он не сменит цвет с бежевого на темно-коричневый, вся партия считается бракованной и подлежит повторному циклу.

Матвей попытался повторить мое движение, но тяжелая педаль сварочного аппарата соскользнула с его резинового тапка. Пакет перекосило, пленка с визгом сморщилась, издав неприятный запах паленого полиэтилена.

— Черт, — процедил каскадер, с досадой отдергивая руку.

— Спокойнее, — я мягко перехватила его запястье, направляя руку на прижимную планку. Его кожа была горячей, жесткой, с грубыми мозолями у оснований пальцев. Под моими пальцами отчетливо бился его частый пульс. — Не дави весом всего тела. Это точная механика, Матвей. Легкое касание, плавный прижим, два щелчка реле.

Он замер, глядя на мою руку в тонком латексе, державшую его широкую ладонь. Между нами было меньше полуметра. Я почувствовала, как переменилось его дыхание, став глубоким и прерывистым. В воздухе, густо пахнущем спиртом и нагретым пластиком, внезапно проскочила острая искра взаимного притяжения.

Матвей медленно поднял глаза. Он по-прежнему держал пальцы на планке, хотя пакет был давно запаян. Я первой отвела глаза.

— У тебя потрясающе холодные руки, Кира Алексеевна, — негромко произнес он, не пытаясь высвободить пальцы.

— А у хорошего стажера пакеты должны быть целыми, — отозвалась я, усилием воли возвращая голосу профессиональную строгость, и отпустила его ладонь. — Работай. Через десять минут загрузка в автоклав.

Когда подошло время вынуть предыдущую партию, цикл автоклава уже закончился. Людочка проверила приборы и открыла люк, предупредив о горячих кассетах. Матвей, желая реабилитироваться за испорченный пакет, подхватил тяжелую металлическую кассету голыми руками, забыв про защитные термостойкие рукавицы.

Раздался глухой металлический лязг и короткий шипящий звук.

— Ай, дьявол! — рявкнул Беркутов, чудом удержав кассету на направляющих и мгновенно прижав обожженные пальцы к мочке уха.

— Рукавицы для кого на крючке висят? — Я повела его к раковине. — Пальцы под прохладную воду. И побудь наконец неподвижно.

Он нехотя подчинился. На подушечках двух пальцев проступили красные полосы. Я осталась рядом, пока вода снимала жжение; за нашей спиной Людочка закончила разгрузку.

Матвей стоял неподвижно, глядя на то, с какой бережной сосредоточенностью я обрабатываю его ожог. Его губы дрогнули.

— Я думал, ты нальешь мне чистого спирта и заставишь терпеть во имя врачебного долга.

— Я врач, а не садист, — ответила я, закрывая охлажденные пальцы повязкой. — Следующего пациента будешь наблюдать со стороны, с его разрешения. Руками сегодня больше никуда не лезешь.

Ровно в одиннадцать утра в операционный блок вошел наш главный тяжеловес дня.

Его звали Вадим, это был профессиональный штангист с плечами размером с платяной шкаф и массивной квадратной челюстью. Правая щека Вадима заметно припухла, а в глазах

стояла глухая, изматывающая тоска человека, который трое суток не спал из-за адской зубной боли.

— Доктор, сделайте что-нибудь, — пробасил он, осторожно опускаясь в кресло. Механизм под его весом жалобно скрипнул. — Челюсть ломит, таблетки не берут.

— Сейчас все сделаем, Вадим, — улыбнулась я, регулируя подголовник. — Нижний зуб мудрости лежит горизонтально, упираясь в соседний. Аккуратно распилим его и извлечем по частям. Потерпите пару минут, пока подействует заморозка.

С согласия Вадима Матвей наблюдал у стены, в стороне от стерильного столика. Он уже успел натянуть маску и защитный пластиковый щиток, закрывавший лицо до подбородка. В широких зеленых штанах и резиновых сабо он выглядел внушительно. Заметив страх на лице гиганта-пациента, наш бравый каскадер снисходительно усмехнулся под маской.

— Не дрейфь, приятель, — бросил он Вадиму тоном бывалого сорвиголовы. — Это всего лишь зуб. Я на съемках переворачивал горящий джип на скорости за сотню, два ребра треснуло, плечо выбило — встал и пошел на новый дубль. А тут кресло и красивая женщина. Ерунда!

Я выразительно посмотрела на Беркутова поверх маски.

— Санитар Беркутов, закройте рот и держите пустой лоток и стойте у стены.

— Слушаюсь, шеф, — весело козырнул он свободной рукой.

Я повернулась к столику. Из стерильного крафт-пакета я извлекла тяжелый цельнометаллический карпульный шприц из матовой немецкой стали. Вставила внутрь стеклянную капсулу с концентрированным раствором современного анестетика на основе артикаина с добавлением адреналина. Навинтила тонкую, длинную стальную иглу, сняла прозрачный пластиковый колпачок и выпустила в воздух крошечную каплю прозрачной жидкости, проверяя проходимость канала.

Игла блеснула в лучах бестеневой операционной лампы холодным, острым жалом.

Я краем глаза заметила, как Матвей внезапно оборвал свою бодрую тираду. Его взгляд приковался к тонкой стальной трубке шприца. Он судорожно сглотнул, и кадык на его мускулистой шее дернулся вверх-вниз.

— Вадим, открываем рот максимально широко, — скомандовала я спокойным, гипнотизирующим голосом, отработанным за годы хирургической практики.

Круглым стоматологическим зеркалом я плавно оттеснила мясистую щеку пациента, обнажая глубокую крыловидно-челюстную складку за последним коренным зубом. Пальцем левой руки в мятной перчатке я нащупала костный гребешок позади молярной ямки.

— Делаем глубокий вдох носом, — предупредила я.

Стальная игла плавно, без единого рывка вошла в слизистую оболочку. Миллиметр за миллиметром она погружалась в глубокие анатомические пространства, направляясь к отверстию нижнечелюстного канала. Ткани подались с едва слышным мягким хрустом, когда кончик иглы коснулся плотной надкостницы.

Я мельком скосила глаза на Матвея.

Картина была потрясающей.

Вся надменная спесь и бравада слетели с каскадера за три секунды. Кожа его щек стала белой, цвета больничного мела. Зрачки расширились во всю радужку, став черными. Плечи одеревенели, а металлический лоток в его руках начал мелко подрагивать.

— Беркутов, дыши ровно, — негромко бросила я, медленно нажимая на поршень шприца и вводя анестетик рядом с нервом.

Матвей не ответил. Он даже не моргал. Его взгляд был прикован к месту инъекции с таким ужасом, словно он наблюдал крушение галактики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.